

Кувакин В.А.

Суета вокруг «Дела академиков»

23 июня 2007 г. научно-популярное приложение к «Новой газете» «Кентавр» № 3 опубликовало открытое письмо десяти академиков РАН Президенту Российской Федерации В.В. Путину «Политика РПЦ: Консолидация или развал страны?» (тремя днями позднее письмо было опубликовано в «Советской России». Его текст имеется также в предыдущем бюллетене).

В сентябре 2007 г. РАИ «Новости» сообщило следующее.

«Путин против приказного введения в школах предметов по религии

Белгород, 13 сен – РИА Новости. Президент РФ Владимир Путин убежден в том, что приказом сверху нельзя вводить обязательное изучение в школах предметов по религиозной тематике.

На заседании Совета по нацпроектам лидер партии «Народный союз» Сергей Бабурин попросил президента «снять опасения в связи с исчезновением таких школьных предметов, как «Основы православной культуры» и «История мировых религий»».

«Ко мне поступило обращение Всемирного русского конгресса по этому поводу», – подтвердил Путин, но при этом сказал, что к нему поступило и обращение представителей интеллигенции России по поводу того, что наше государство все-таки является светским.

«У нас в Конституции записано, что Церковь отделена от государства. Вы знаете, как я сам отношусь, в том числе, к Русской Православной Церкви, но если кто-то считает, что сейчас надо поступить по-другому, иначе, то надо менять Конституцию», – сказал Путин.

«Я не считаю, что мы должны сейчас этим заниматься», – добавил он³³.

Между этими двумя текстами 53 дня российской жизни. И если проследить цепочку событий, посыпавшихся как из рога изобилия в качестве реакции на вопросы, поставленные учеными РАН перед Президентом России, то открывается беспрецедентное множество откликов, дебатов, статей, социологических опросов, теле- и радио-обсуждений, интервью, Интернет-форумов, резолюций, наполнивших российское информационное пространство. «Информационный повод», как называют такие вещи профи инфомедийных джунглей современной России, вызвал такой резонанс, который продолжается и сегодня. Что же произошло? В чем суть дела и той, подчас совершенно пустой, суеты вокруг того, что сразу же назвали «письмом десяти» или «письмом десяти академиков»?

С суетой вопрос понятен: некоторым нужно было просто пошуметь, чтобы в очередной раз засветиться и по бобчински-добчински напомнить о своем существовании. Другим нужно было опять зафиксировать свои параноидные идеи о заговорах или об отмашках сверху, означающих начало каких-то фундаментальных перемен или новые дымовые завесы над чем-то политически-экзотическим. Третьим нужно было поёрничать, навести тень на плетень, обозвать академиков «большевиками», «безбожниками», «выжившими из ума сталинистами», людьми, «у которых при слове «культура» едва ли не тянется рука к вые (проще – к шее, В.К.)»³⁴. И всё это – чтобы уйти от вопросов, прямо поставленных учеными.

Но в письме есть суть, которая глубока и значительна. Она действительно судьбоносна и состоит в том быть или не быть России? Как встречать идеологические, мировоззренческие, нравственные и интеллектуальные вызовы, с которыми она сталкивается, и как отвечать на них? Со всей прямотой, честностью и откровенностью ученые поставили вопрос о том, какой быть России? Какие решения принимать в области науки, образования и культуры, чтобы страна была жизнеспособной, конкурентноспособной, как напоминает нам В.В. Путин, просвещенной, сохраняющей себя в качестве самобытной и передовой цивилизации?

³³ <http://www.rian.ru/society/20070913/78603929.html>.

³⁴ Такова, к сожалению, лексика пресс-секретаря Московской Патриархии отца Владимира Вигилянско-го, попытавшегося свести серьезные общественные проблемы, обеспокоившие ученых, к «политическому заказу». См. <http://www.regions.ru/news/2087914/>.

Авторы открытого письма – не политические деятели, но ученые, «представители интеллигенции», как назвал их В. Путин. Их общекультурный уровень, вне сомнений, также высок как и уровень гражданского сознания. С присущей ученым рациональностью, взвешенностью и четкостью суждений они дали оценку тому, что происходит у всех у нас на глазах. Они назвали вещи своими именами, не вдаваясь с тонкости и оттенки формулировок, но именно указав на сущность политики церкви по отношению к школе, науке и государству. Его клерикализация очевидна, и долгое время общество сначала не замечало, а потом старалось не замечать этого процесса и его возможных катастрофических последствий.

Почему же общественность как бы проснулась и все заговорили об этой стратегической для страны проблеме? В каком-то смысле я «инсайдер», т.е. человек знакомый с ситуацией изнутри, и скажу сразу, что никакой политики, никаких секретов или «тайных замыслов» у авторов открытого письма не было и нет. Аргументом в пользу моих слов является их общественная и моральная репутация, их простая человеческая ответственность, уважение к истине и потребность высказать ее. Я думаю, что каждый порядочный и открытый разуму человек понимает это. В одном из недавних разговоров с В.Л. Гинзбургом у нас встал вопрос: почему письмо произвело и всё еще производит общественный резонанс? В.Л. заметил, что когда они, авторы письма, обратились к многотиражным газетам с просьбой о публикации, то «Российская газета» просто отказалась это делать, а «Известия» попросили большую сумму денег за публикацию обращения в качестве материала на правах рекламы. В итоге оно было опубликовано в малоизвестном приложении к «Новой Газете».

Анализируя ситуацию, мы согласились, что открытое письмо сразу разместили на своих сайтах несколько широко известных Интернет-изданий. Во-вторых, буквально в эти же дни член Общественной палаты Вячеслав Глазычев призвал, как сообщила газета «Коммерсантъ», «обратить внимание на защиту светскости государства, ибо у нас сейчас распространяется ползучий клерикализм»³⁵. В-третьих, опять-таки в эти же дни «Известия» опубликовали интервью А.И. Солженицына журналу «Шпигель», в котором писатель на вопрос, не становится ли РПЦ государственной церковью, «институтом, фактически легитимировавшим кремлевского властелина в качестве наместника Божия?», с присущей ему прямоотой и безапелляционностью возразил: «Напротив, надо удивляться, как за короткие годы, прошедшие со времен тотальной подчинённости Церкви коммунистическому государству, ей удалось обрести достаточно независимую позицию. Не забывайте, какие страшные человеческие потери несла Русская православная церковь почти весь XX век. Она только-только встаёт на ноги. А молодое постсоветское государство – только-только учится уважать в Церкви самостоятельный и независимый организм. «Социальная Доктрина» Русской православной церкви идёт гораздо дальше, чем программы правительства».³⁶

Кумулятивный эффект стал практически неизбежным. Если же к этому добавить, что в это время у нашей рыночной прессы – ввиду «мертвого сезона» – пища на зубах не было, то причин медийного интереса к письму оказалось предостаточно. И все-таки не это главное. Письмо ответило на злобу дня, став той каплей, которая переполнила чашу молчания, прорвала плотину равнодушия и апатии. Эффект письма оказался настолько сильным, что не сошел на нет к началу учебного года, когда снова встал вопрос о соотношении научного и религиозного образования и воспитания в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. И дискуссии на тему быть ли в России как светском государстве «религиозному образованию» и «религиозной науке» вспыхнули с новой силой.

Надо сказать, что тема эта и сегодня, в начале 2008 года не выходит из поля обсуждений и комментариев. И это понятно, поскольку РПЦ не останавливается в своих усилиях проникнуть в сферу государственных образовательных учреждений. В соответствии с принятым Госдумой в третьем чтении и подписанным президентом В. Путиным 3 декабря 2007 г. Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» предусматривается отмена региональный компоненты государственного образовательного стандарта, в рамках которой во многих регионах России внедрялось преподавание «Основ православной культуры» (ОПК). Это вызвало неоднозначную реакцию. РПЦ назвала это «непродуманным шагом».³⁷ Однако, по

³⁵ <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=788941&NodesID=7>.

³⁶ <http://www.izvestia.ru/person/article3106464/>.

³⁷ <http://portal-credo.ru/site/?act=news&id=58363&topic=361>.

словам генерального директора издательства «Просвещение» Александра Кондакова, *«ничего революционного в новых стандартах нет»*, а новые поправки в Закон «Об образовании» не отменят регионального компонента, поскольку в структуре основной общеобразовательной программы предусмотрена вариативная часть (в рамках которой реализуется то, что называется региональным, муниципальным и школьным компонентом основной образовательной программы).³⁸

Но дело, конечно, не в юридических тонкостях, которые, правда, нынешняя бюрократия тщательно использует, стремясь, подчеркнуть свое уважение к закону, а в фактическом положении вещей, нарушающем все те казуистические формулировки, к которым прибегают чиновники из Минобрнауки, оправдывая поход РПЦ на школу. А фактическое положение таково, что ОПК не изымается из программ обучения, а напротив, широким фронтом наступает на государственные образовательные учреждения. Граждане и многие объективные журналисты задаются массой вопросов, вызываемых клерикализацией школы. Так, обобщая вопросы слушателей, журналистка «Эха Москвы» О. Бычкова спрашивает: *«...почему в многоконфессиональной, многонациональной стране нужно преподавать именно основы православия – в обязательном ли варианте, факультативном, культурологическом – в любом, это вопрос степеней. Но почему православие? Почему тогда не изучать мировые религии, например?»*.³⁹

Ответы духовенства чаще всего беспомощны, шовинистичны и исходят из предпосылки «русский – значит православный». Протоиерей Александр Борисов на этот вопрос Ольги Бычковой простодушно изрек: *«...потому что именно эта христианская конфессия сформировала нашу страну, нашу культуру»*.⁴⁰ А дьякон Андрей Кураев также – и не по Фрейдю вовсе, а по столь неистребимому националистическому духу, присущему РПЦ, – нередко «проговаривается»: *«Назовите мне другой народ, который ощущал бы свою ответственность за то, что происходит на одной шестой части суши»*.⁴¹ Реально это значит, что всякий другой, не русский и не православный народ, проживающий в Российской Федерации, безответствен и за страну свою не боится.

Наблюдая за процессом экспансии РПЦ в образование, представители других вероисповеданий, особенно мусульмане, с одной стороны, осуждают гегемонистскую позицию РПЦ, с другой – получают аргумент в пользу преподавания ислама (Основ исламской культуры – ОИК) в регионах с компактным проживанием татар, чеченцев и т.д.⁴²

Таким образом, вопрос о клерикализации прочно вошел в общественное сознание и продолжает вызывать большую озабоченность у тех, кто считает себя гражданином светского государства. Анализ ситуации, возникшей вокруг и после «письма десяти академиков», говорит о серьезных изменениях как в общественном сознании, так и во власти. На мой взгляд, они в целом значительны и отражают степень напряженности между светской и религиозной культурой в России. Вместе с тем благотворен сам процесс общественного диалога, обсуждения вопросов о роли науки и религии в обществе, поскольку он будит ум, заставляет думать и в той или иной степени сознательно принимать решение для себя и за себя. Это делает людей не только просвещеннее, но и ответственнее, т.е. прививает черты, которые так необходимы россиянам как

³⁸ См.: Учительская газета № 44 (10177), от 30 октября 2007 г.

³⁹ <http://www.echo.msk.ru/programs/exit/>.

⁴⁰ Там же. Если всерьез анализировать это суждение, то легко видеть не только его примитивизм, но и очевидный консерватизм. Разумеется, роль православия в истории России весьма значительна. Но едва ли она больше, чем геополитический, экономический или гражданский фактор в ее социокультурном прогрессе. Нельзя забывать своего прошлого, но нельзя быть и замороженным им. Жизнь не стоит на месте. Сегодня религиозный фактор в общественной жизни явно уступает научно-технологическому, экономическому или инфомедийному. Очевидна и объективная мощь процессов глобализации, когда люди с различными верованиями и убеждениями перемешиваются, создавая общества нового мировоззренческого – по преимуществу плюралистического и светского – типа, в которых религия во всё большей степени становится частным делом личности. Не видеть этого, значит обрекать себя на отставание, автаркию, фактически на выпадение из исторического прогресса, т.е. на смерть.

⁴¹ Там же.

⁴² Так, например, «Независимая газета» сообщала: *«Комментируя заявление Дмитрия Козака о том, что Генпрокуратура РФ... проверяет законность введения в школах Чечни обязательного изучения Корана и шариата, Кадыров заявил: «Закон не запрещает изучение религий, и я не считаю, что это противоречие, а законодательных актов республиканское правительство о якобы обязательном преподавании шариата в школах не выпускало»* (http://www.ng.ru/events/2006-02-27/7_kozak.html). Действительно, зачем Кадырову закон, сказал «Обязательно преподавать!» – и ввели шариат в школьные программы.

гражданам великой страны. Несомненно, в обществе произошла и продолжает происходить переоценка роли православной церкви в современной общественной и культурной жизни. Эйфория и надежды на моральное очищение с помощью РПЦ (МП) в значительной степени рассеялись, сменившись более реалистичным и трезвым взглядом на деятельность духовенства. Всё больше проясняется, что культурный уровень и образованность служителей православия далеко не соответствует тем ожиданиям или предположениям, которые были у россиян, ранее вовсе не интересовавшихся жизнью церкви в России. Выяснилось и то, что данные о религиозности населения, мягко говоря, не корректны. Если прежде говорилось, что среди русских около 80% православных, то теперь обнаруживается, что по-настоящему верующих (воцерковленных) набирается самое большее 3–6 %, а остальные по большей части только думают, что они православные христиане. Проведившиеся в ходе обсуждений вопроса о религиозном образовании опросы показали, что разговоры о подавляющем числе верующих в России сильно преувеличены.⁴³ Примечательно, что люди перестали бояться признаться в том, что они неверующие или даже атеисты. В вопросах мировоззренческого самоопределения стало больше реализма, меньше лицемерия и стадности. Туман в этих вопросах стал рассеиваться. Впервые за всю послесоветскую историю России люди всерьез задумались о том, а стоит ли нам шарахаться от православия к большевизму и от большевизма к православию? Возможно, есть и иные альтернативы в сфере убеждений, и наша совесть действительно свободна? Фактическое общественное признание наличия мировоззренческого многообразия в России является благотворным шагом в процессе становления гражданского общества, осознания ценностей свободы совести и личной ответственности россиянина за свои убеждения.

«Письмо десяти академиков» – веха в новейшей истории отечественного сознания и самосознания. Оно не только помогло нам вовремя остановиться и подумать, как далеко назад мы отошли от некоторых наших достижений в области культуры и образования, но и принять руководителям различного уровня более взвешенные решения по принципиальным вопросам образовательной политики. Так, накануне нового учебного года министр Минобрнауки А. Фурсенко признал, что решение вопроса о преподавании в школах истории культуры и религии – за общественным мнением, *«и в этом смысле «письмо академиков» сыграло положительную роль, вызвав общественный резонанс»*⁴⁴.

Московское правительство также проявило реализм и отказалось от пресловутого ОПК («Основы православной культуры»), предложив для 10–11 классов общеобразовательных школ подготовленное под редакцией академика А. Чубарьяна учебное пособие «История мировых религий». Эта факультативная дисциплина будет преподаваться учителями истории, т.е. людьми светскими, имеющими педагогическую подготовку.⁴⁵ Для младших школьников в рамках развивающих программ всё большую популярность приобретает светский, написанный с позиций гуманизма, предмет «Нравственные ценности», разработанный Центром социально-психологической адаптации «Генезис».⁴⁶

Приметы позитивных перемен можно множить, но вывод напрашивается один: наши шансы понять, что мы живем в XXI веке, веке науки, прогресса демократии и улучшения условий человеческого существования, что мы – активная часть мирового сообщества, ищущего согласия, мира и процветания, повышаются. Понимание и действие на этой основе и есть одно из условий как гражданского согласия и единства, так и процветания России.

© 2008 В.А. Кувакин (текст)

⁴³ <http://moral.ioso.ru/index.htm>.

⁴⁴ <http://www.portal-slovo.ru/rus/news/10546/>.

⁴⁵ <http://www.portal-slovo.ru/rus/news/10466/>.

⁴⁶ См. Баранова И.В., Гупта С.Р., Фигина Е.Н. *Нравственные ценности. Развивающая программа для младших школьников*. Методическое пособие для учителей и психологов. – М.: Генезис, 2003.